

1

Опять пришла зима, и улица бела.
Ты разожги огонь, как мама разжигала.
Прошли мы трудный путь, где за скалой скала,
Где вихрь, и крутизна, и грозный гул обвала.

Нельзя не говорить об этом — ты права.
И нам досталось то, что многим-многим людям.
Чтоб не погас огонь, подкладывая дрова,
Воспоминания в душе гасить не будем.

Вновь посмотреть хочу, как в прежние года,
Я на твое лицо, что ярко покраснелось
От пламени... Так шли года, так шли всегда
И скрылись за грядой, что ныне в снег оделась.

Следы их на твоём лице, среди зимы,
При свете пламени я вижу... «Скоро ль пламя
На родине зажжем?» — так спрашивали мы
На дальней той земле, за снежными полями.

2

На руки смуглые твои, в глубины глаз
При свете пламени смотрю. О них писала
Моя рука не раз, но грустно мне сейчас,
Что плохо я писал о них — и мало, мало!

Всегда в твоих глазах на дальней той земле

Мне виделся Кавказ. И даже в день унылый,
Когда шумел буран в сырой, туманной мгле,
Я в красоте твоей искал источник силы.

О женщин красота, всегда ты нам нужна!
Ты мне свое тепло и в ту дарила пору,
Когда морозом жгла меня моя весна,
Но я, с судьбой борясь, в тебе нашел опору.

Опять в горах мороз. Опять красива ты.
Хоть голову твою запорошили годы
Снегами. Но твоей слабее красоты
Заботы новые и прежние невзгоды.

3

На своего отца похожа ты. Всегда,
Во всем он горцем был, сродни родным вершинам.
Хоть часто горькою была его еда,
Он честью дорожил, как надлежит мужчинам.

Был каждый волосок его усов как меч!
Не знал он трусости и не боялся мести.
Для торжества добра он мог бы дом свой сжечь
И броситься в огонь во имя горской чести!

Отправился на фронт с седою головой,
Смотрел в лицо войны суровой силой взгляда.
Он шел, как некогда в горах сквозь снежный вой,
По окровавленным кварталам Ленинграда.

Отваге, верности он клятву дал свою,
И жизни собственной была сильнее присяга.
Седого горца жизнь оборвалась в бою,
С горящим городом слилась его отвага.

4

Бесстрашно умер он: ведь он бесстрашно жил.
Таким не суждено окончить жизнь в постели.
За родину свою он голову сложил,
Тебя же унесли жестокие метели.

Ты помнишь, девочка, морозы февраля,
Степные дальние просторы Казахстана,
Тоску изгнания и снежные поля?
Как рано боль души узнала ты, как рано!

Отец лежит в снегах, путь преградив врагу.
А ты ждешь весточки, подросток, дочь солдата.
Твоя печаль — как след кровавый на снегу...
Мы грелись у огня на том снегу когда-то.

Не пропадет вовек та пролитая кровь.
И скорбь не пропадет. И в этом есть отрада.
Пусть правда ранена — она воспрянет вновь...
За горький мой рассказ меня винить не надо!

5

Портрет отца в черкеске белой на стене.
Он строен и высок, при нем кинжал старинный.
Ему усов уже не покрутить, но мне
Он будто говорит: «Кулиев, будь мужчиной!»

Мне кажется: вот-вот он выбежит на круг,
Запляшет, как плясал на свадьбах в дни веселья,
А видно, что плясал он лихо! Сотни рук
Ему стучали в лад, и пели с ним ущелья!

Я верю: брал легко он трудный перевал,
Бросался он в огонь, в бушующую воду.
Я верю: он с врагом как нужно воевал
За правду, за людей, за честную свободу.

Твой сын — наш сын — похож на твоего отца.
Ничто не может зря пропасть, ничто не может!
Та пуля, что летит в бойца, пронзит бойца...
Прости, что мой рассказ былую боль тревожит.

6

Опять пришла зима. Опять бело кругом.
Ты разожги огонь, как мама разжигала.
Воспоминания пришли, как гости, в дом,
Так пусть у очага погреваются сначала.

При свете пламени я вижу: возле рта
Морщинки у тебя. А провели их годы
И за холмы ушли. К чему им быстрота?
Но время — как река, они одной породы!

Вновь на лицо твое, как в той степной дали,
При свете пламени смотрю. Зима блистает.
Как на деревья снег, легли года, легли
На волосы твои. И этот снег не тает.

В том доме, где с тобой о прошлом говорю,
Где некогда очаг затоптан был сурово,
На волосы твои, на руки я смотрю
При свете пламени, что засияло снова...

1962